

Анна Осокина

Обречение.
Путь в огонь

Анна Осокина

Обреченные. Путь в огонь

«Литнет»

2023

Осокина А.

Обреченные. Путь в огонь / А. Осокина — «Литнет», 2023

Они убили семью ведьмы Ибриен, а теперь ведут на казнь. Они называют себя светоносцами — орденом, который сражается с дьявольскими отродьями. Однако постепенно молодой светоносец Кристоф начинает догадываться, что Ибриен — лишь жертва обстоятельств, а вот кто истинный злодей, предстоит еще разобраться. Холод, страх близкой смерти, болезнь и желание отомстить врагам — даже это отходит на задний план, когда в душе мимо воли вдруг распускаются первые ростки настоящего чувства. Сможет ли Кристоф, посвятивший жизнь ордену, противостоять искушению? Сможет ли Ибриен, у которой не осталось ничего, кроме ненависти, впустить любовь в сердце?

© Осокина А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1

Ибриен из Зеленых Холмов

Вокруг было темно. И не просто, как в доме ночью, когда в окна проникают лунные лучи, а так, словно во всем мире разом пропали источники света. Ибриен медленно приходила в себя. Она могла бы подумать, что ей выкололи глаза, но боли она не ощущала. Все же с беспокойством она поднесла пальцы к лицу и ощупала себя. Все оказалось на месте. Лишь ближе к виску пульсировала горячая шишка. Девушка поморщилась.

Она чувствовала, что лежит нагая прямо на камнях, холод которых пронизывал ее насквозь, полностью замораживая все внутренности. Хотя сердце ее умерло ровно в тот момент, когда убили тех, кто был ей дорог.

Душу переполняла ненависть, которую не мог притупить даже стыд от того, что ее кинули здесь, как какое-то животное. О, Ибриен уже догадалась, что она в темнице! Сырой, дурно пахнущей и безумно холодной. Где-то там, за стенами этого ужасного места, уже вот-вот начнется зима. Ноябрь в этом году выдался промозглый. Лужи каждое утро хрустели под ногами, то и дело на землю начинали падать редкие, но крупные снежные хлопья, которые, впрочем, быстро таяли. Еще не время.

Может быть, эти люди, хотя таковым их и язык не поворачивался назвать, думали, что, раз ей не причинил вред огонь, то убьет холод? Ибриен заставила себя улыбнуться, хотя ее никто и не видел. Не дождутся! Она выживет, что бы они с ней ни делали. Выживет, чтобы отомстить! Выживет, чтобы своими руками вырвать сердца извергов и втоптать их в грязь. Выживет, даже если для этого придется переступить через себя.

Легче всего было сдаться. Позволить разуму уйти в небытие, отойти от этого мира. Ибриен знала как. Она могла бы исчезнуть без боли, оставив тело умирать на этом каменном полу. Но не станет. Она будет бороться до последнего. Мсть — вот все, что у нее осталось. Ее двигатель. Ее единственная причина, чтобы ходить по этой земле.

Мама, бабушка, обе тетки и даже ее горячо любимая сестренка Эби, которой было всего семь лет, — они все погибли. Горячие слезы потекли по щекам, почти обжигая кожу. Воспоминания терзали изнутри, заставляя ее умирать снова и снова вместе с каждой женщиной ее семьи. Их всех убили эти люди!

Инквизиторы вместе с вооруженными до зубов светносами ворвались к ним на хутор и не пощадили никого. Бабушку убили сразу, как старшая в роду она пыталась защитить всех, сотворив заклинание. Мать пала, когда пыталась предупредить своих сестер. Сама Ибриен с малышкой Эби прятались в стоге сена в сарае, но когда туда ворвались вооруженные мужчины, девочка так испугалась, что невольно выдала себя, не успев зажать рот ладошками и пискнув. Этого звука хватило, чтобы в тот же миг ее пронзили мечом. Они даже не посмотрели, что это ребенок! Им было все равно!

Чудовищный крик самой Ибриен, когда она поняла, что случилось, отбросил в сторону троих воинов. Тот, который находился к ней ближе всех, вряд ли уже когда-то сможет слышать. К сожалению, их оказалось больше. Гораздо больше. Они выволокли ее из сарая в одном легком ночном платье.

Все виделось ей, как в кошмаре. Из дома выносили тела ее родных и скидывали в кучу, как дрова. Ибриен металась в руках истязателей. Она лягалась, рычала, как хищный зверь, пыталась кусаться. Но все было тщетно. Они держали крепко. Все то время, пока женщин ее семьи не обложили хворостом и не подожгли.

Истязатели не знали, что самой Ибриен огонь не мог нанести вреда, поэтому оставили казнь на потом. Чтобы совершить ее прилюдно. Но тот костер, который пожрал тела ее родных, начисто сжег сердце самой Ибриен. В груди теперь остался лишь пепел.

Она не замечая холода, пока ее вели в передвижную клетку, что стояла на повозке. Пребывала глубоко в себе, пока ее везли на площадь. Будто со стороны, она наблюдала, как ее выводят к собравшемуся народу, как священнослужитель произносит пламенную речь, закончившуюся фразой, той единственной, которую девушка запомнила, той единственной, которая врезалась в память: «И ворожеи не оставляй в живых!»

А потом ее привязали к столбу и подожгли. Огонь на какое-то время скрыл ее от посторонних глаз, которых собралось вокруг слишком много. Он аккуратно лизал дерево вокруг нее, оставил ведьму без одежды, потому что ткань не выдержала жара. Однако ей самой не причинил ни малейшего вреда. Зеваки ждали криков агонии, но для Ибриен миг единения с ее стихией стал единственным кратким утешением, позволившим не сойти с ума окончательно. Она одними губами в исступлении, словно в горячей молитве, шептала заклинание. Ветер, в отличие от огня, никогда особо ее не слушался. Но в этот раз все было по-другому. Ураган прошелся по площади, он подхватил часть пылавшего хвороста и отнес на ветхую деревянную крышу одного из ближайших домов. Тот вспыхнул, как свеча. Часть народа тут же убежала спасать свои жилища, которые находились близко к загоревшемуся, но большинство осталось.

Когда костер начал гаснуть, по площади прокатились стоны изумления. Никто не ожидал увидеть ведьму живой. Никто не понимал, что происходит.

А Ибриен взирала на всех свысока. Она гордо вскинула подбородок и улыбалась. Улыбалась им всем назло! Улыбалась, чтобы все знали: они ее не сломили! А потом, видя растерянные лица церковников, наблюдая за пораженными перешептываниями простого народа, она начала смеяться. До икоты, до содрогания всем телом, до всхлипов. Она так смеялась, что к ней боялись подойти.

Это горькое безумное веселье усугублялось тем, что пожар охватывал все новые и новые дома, те, которые находились ближе к площади. Люди вокруг кричали, они носили ведра с водой, обливали соседние жилища, но огонь будто сошел с ума. Он не обращал внимания на влагу, как будто в ведрах находилось масло, которое только раззадоривало его. Сквозь слезы от хохота Ибриен видела, как люди принялись пятиться. Только один верзила в доспехах не побоялся подойти к ней и стукнуть по виску рукояткой меча. Тогда-то мир и погрузился в полную тьму, в которой пребывал и до сих пор.

Герман Гроэр

Ждать было унизительно, ждать Герман не любил. Но правитель Таблинктонгского королевства, казалось, словно нарочно испытывал его, предполагая, что через час-другой верховный инквизитор устанет и уйдет восвояси. Но Герман имел склонность никогда не сворачивать с пути и идти до конца, невзирая на любые жертвы и лишения. Как свои, так и чужие. Только такой человек и мог стать во главе ордена Святой Инквизиции.

Однако игнорировать вечно такую личность, как Герман Гроэр, не мог даже король. Слуга вышел из-за массивной двери и сказал, что его величество готов принять гостя.

— Благодарю — холодно бросил инквизитор, поднимаясь с подушек на дубовой резной скамье. Страхнув ладонями воображаемую пыль с темной мантии, он направился в тронный зал.

Король был старым и обрюзгшим. На его голове осталось лишь несколько клоков седых волос, а светлых мыслей, по мнению Гроэра, — и того меньше. Знать уже десять лет пророчила, что его величество король Рокс со дня на день отправится к Праотцу, уступив трон наследнику. Но Рокс всеми силами цеплялся за жизнь, и, судя по всему, пальцы его были пока крепки.

— Ваше величество, — кивнул Гроэр. — Для меня большая честь, что вы удостоили меня аудиенции, — соколиные глаза мужчины смотрели на короля и только на него. Ни стражников, ни слуг для инквизитора словно не существовало.

— Мне известно, что тебе нужно, Герман. И мой ответ не будет отличаться от письма, скрепленного печатью. Нет.

— Ваше величество, послушайте...

— Нет, это ты послушай! Наша страна уже пятый год ведет кровопролитную войну с гедрами. На границе с родлами неспокойно. Народ вымотан и обескровлен. Охота на ведьм — это не то, что нас должно беспокоить. Тем более эта твоя последняя ведьма, которую ты отдал приказ казнить публично, сожгла половину небольшого города!

— Ошибаетесь, ваше величество. Полгорода — это меньшее из зол. Но этой показательной казнью я выявил ту, которая может стоить нам страны, — холодно произнес инквизитор.

— Молчать! — рявкнул Рокс. — Та, что, по твоим словам, может уничтожить государство, сейчас в темнице, и отправил ее туда обычный удар по голове рукоятью меча.

— Цепи плохо держат ведьм. Кстати... Тот воин. Вероятно, забрало его шлема было опущено. Как вы думаете?

— Почему ты задаешь мне такие глупые вопросы? — еще больше раздражался правитель.

— Если оно было опущено, то ведьма не видела лица обидчика, а значит, будет мстить всем подряд. А если же оно было поднято... Нет, она в любом случае будет мстить всем подряд. Огонь ее будет настолько ярким, что гедры возьмут перерыв в войне и будут смотреть, как мы горим, а потом станцуют на наших костях, потому что некому больше будет защищать королевство.

— Ты слишком много берешь на себя, инквизитор. Твой орден уже не так важен и влиятелен, как пару сотен лет назад, — тон короля звучал предупреждающе.

Он поднял руку, стража от этого движения заелозила на месте, готовая сорваться в любой момент. Однако Герман оставался непоколебим.

— Ошибаетесь, ваше величество. Очень скоро, возможно, даже через несколько минут, мой орден будет так же влиятелен, как и прежде. Ибо каждая великая ведьма сбегала от правосудия. Вельма Заговорщица Струпьев — четыре раза. Шалина Говорящая С Волками — пять. Эйга Крикунья, наименее смекалистая из всех, — всего два раза. Зато Йонга Кровавый Закат уходила от правосудия тринадцать раз! Не знаю, какое место в этом списке займет новая ведьма, но одно я знаю точно. Посадите меня за решетку за дерзость, и я даже не подумаю сбежать. Буду покорно сидеть и ждать, пока вы измените решение и наделите всеми необходимыми полномочиями. Ибо только мне известно, как умертвить эту тварь.

— Поболтается в петле и издохнет.

— Ветер будет качать ее из стороны в сторону, а она будет лишь смеяться, сея страх и становясь сильнее. Есть только одно древнее место, где святой огонь ни на минуту не перестает гореть, сожженная на нем ведьма никогда не воскреснет. Но какие молитвы для этого читать, знаю только я.

Повисла тишина. Было отчетливо видно, как сопротивляется напор инквизитора король. Но когда все это время поднятая рука стала опускаться, Герман понял, что победил. Однако вскоре выяснилось, что победа его оказалась неполной.

— Ты запрашивал пятьсот пехотинцев и сотню светоносцев.

— Да, ваше величество.

— Я дам тебе две сотни воинов и две дюжины светоносцев.

— Этого явно недостаточно, мой король.

— Если ты забыл, у нас война! — обрубил правитель Германа. — Воевать порой приходится тем, что имеешь. Или ты отказываешься от своей миссии?

Герман был не только волевым, но и очень умным человеком. Он понимал, что какую твердость характера не проявляй, больше ему не дадут, а, быть может, сократят и это. Впервые за все время аудиенции с королем его губ коснулась улыбка.

— Мне нужны полномочия.

— Они у тебя будут.

Король устало потер глаза, дав понять верховному инквизитору, что беседа окончена. Герман учтиво поклонился и, чеканя шаг, вышел из тронного зала, даже не взглянув на стражей, которые стояли по сторонам от выхода.

Что ж, он добился своего. Инквизитор рассчитывал на большее, но правитель верно подметил: иногда приходится сражаться теми силами, которые доступны. И он выжмет из них все, на что они способны, в этом можно было не сомневаться.

Кристоф из Рейгона

Завидя двоих громил, Кристоф потянулся к мечу. Уж больно они выглядели недобро. Хотя Кристоф и сам был достаточно рослым и широким в плечах воином, но по сравнению с одним из них казался каким-то маленьким и незрелым.

Громадные кулаки великана сжимали увесистый топор. Оставалось только гадать, сколько щитов, доспехов и голов им разрубили. Второй стоял немного позади. Столь крупными габаритами он похвастаться не мог, но по осанке и взгляду можно было сделать вывод, что тот тоже не из робкой дюжины. Вооружен он был луком со стрелами и, судя по всему, привык держаться позади воина с топором.

— Вы чего-то хотели, милсдари?

— Так известно чего. Мира миру сему, — пожал плечами здоровяк.

— Да только вот не все разделяют наше рвение. Воевали на границе с гедрами. А пока мы кровь проливали, дома, говорят, ведьм и нечисти развелось родном королевстве.

— Так какое же отношение к этому имею я? — Кристоф продолжал улыбаться, но рука сжала рукоять клинка. — На мне доспехи и знамя святого ордена, как и на вас.

— Верно, да вот только, говорят, разбойники повадились убивать воинов ордена в подворотнях. Доспехи их на себя вешать, дабы к простому люду в дом быть вхожими, — сказал тот, который был меньше ростом.

— И что нам, честным людям, со всем этим делать? — сильные руки стали демонстративно поигрывать топором.

— Известно что. Бандита от светотоносца отличить очень просто. Не каждый головорез знает молитву святому Праотцу и сможет повторить ее без запинки.

— Верно говоришь, а как быть с теми, кто знает?

— Не один светоносец во время чтения молитвы не прервет ее и не схватится за меч. Даже если все демоны ада будут дышать ему серой в лицо. Ибо Праотец защищает его. Ну так что, брат? Воздай хвалу Великому! А мы проверим, какой ты набожный, — рука мужчины потянулась к оперению стрелы, торчавшей из колчана.

Поняв, что драка неизбежна, Кристоф мгновенно обнажил меч. Выпущенная стрела летела прямо в плечо, и ее едва удалось отбить. Кристоф всегда славился скоростью и реакцией. Однако в силе топорщику явно уступал. Несмотря на крупные габариты, тот оказался весьма проворным и мгновенно сократил расстояние. Не успевая принять защитную стойку, Кристоф едва сумел отбить его удар. Светоносец выстоял, однако, пошатнувшись, сделал шаг назад. За первым ударом последовал второй, а затем — еще один. Кристоф отражал каждое нападение, не забывая про лучника. Тот уже достал следующую стрелу из колчана, но не спешил пускать ее в полет, предпочитая обойти воина сбоку. Стараясь не стать легкой мишенью, Кристоф принялся смещаться так, чтобы здоровый рубака служил щитом между ним и лучником. Учитывая, как удалецки тот работал топором, это было непросто. Пару раз Кристоф даже попытался нападать на бугая, но тот проявил себя на удивление искусным воином.

Трудно сказать, как долго продолжался бы их «танец», если бы Кристоф не уперся спиной во что-то твердое. «Дерево!» — пронеслось у него в голове. Святой Праотец, как же глупо его загнали! В последний удар великан с топором вложил душу. Руки Кристофа задрожали,

когда его меч встретил оружие противника. Свист стрелы — та вонзилась в четверти дюйма от правого уха светоносца.

— Тебе не помешало бы вырастить глаза на затылке, Кристоф, — ухмыльнулся лучник.

— Да и мощи набрать не повредит. Ручонки дрожат, как веточки на ветру. А я ведь в полсилы бил, — ухмыльнулся топорщик, опуская оружие.

— А вам обоим нужно быть аккуратнее! — Кристоф не мог отдышаться, но на его лице засияла улыбка.

— Я стрелял аккуратно в наплечник, — лучник поднял руки, как бы извиняясь. — Но знал, что ты сможешь ее отбить. Ты всегда был самый резвый.

— Регин, — обратился Кристоф к носителю топора. — Орм, — перевел он взгляд на лучника. — Как же я рад вас видеть!

— Иди сюда, маленький негодник! Я покажу тебе, что значит скучать по-настоящему!

Здоровый воин воткнул топор в землю и обнял Кристофа так, что у того затрещали кости.

— Значит, вас тоже призвали сопровождать ведьму к священному пламени?

— Да, видать, ее нечистый изверг на этот свет. Поговаривают, что она страшнее многих своих предшественниц.

— Но зачем такое сопровождение? Воины ордена, две сотни пехоты, инквизиторы да и сам великий инквизитор, черт бы его побрал, — недовольно молвил Кристоф, от чего получил увесистую затрещину от Регина.

— Не богохульствуй, малыш! Нехорошо это.

Кристофу оставалось лишь обиженно потереть затылок и слушать, что говорит Орм.

— Так разве это много? Напротив, это самое малое сопровождение за всю историю. Йонгу Кровавый Закат полторы тысячи воинов сопровождали, половина не дошла! Так она еще и сбегать несколько раз умудрялась! — ухмыльнулся Орм. — Но все-таки Йонга была воплощением зла, да и войны тогда не вели, могли себе позволить. Это нас вот по сусекам поскребли. Уж коли великая ведьма объявилась, хочешь не хочешь, а надо ее изловить и придать священному пламени, ибо обычное ее не возьмет. Хотя эту, может, и священное не подпалит...

— Чем же эта такая особенная? — не понял Кристоф.

Вся эта история с ведьмой приходилась ему совсем не по душе. Он привык сражаться с врагами королевства, которые угрожали его вере. Привык держать в руках щит и меч, за что получил свою почетную эмблему льва, которая украшала его доспехи и снаряжение. А сопровождать на казнь хоть самую страшную ведьму ему казалось слишком мелко. Ведь он жаждал служить Праотцу и сражаться за него в настоящем бою! А что может сделать одна женщина, закованная в кандалы?

— У каждой из них своя особая сила, — продолжил лучник. — Эта пламенем повелевает, говорят, целый город подожгла. Я наслышан, что когда ведьму запалили, пламя поднялось столбом, а чудовищный по силе ветер стал сжигать хаты местных жителей. Какие-то дома погорели, какие-то удалось потушить. Но когда вспомнили про ведьму, то вместо ее обугленного скелета нашли живехонькой. Ребята страшные вещи рассказывали. Мол, вместо одежды на ее теле остались лишь обугленные лохмотья. Ее растрепанные рыжие волосы полностью скрыли лицо, но было видно, как ее тело содрогается от смеха. Странно так смеялась, с надрывом, словно презирая весь род людской. У меня от этих рассказов аж мурашки по коже! — Орм передернул плечами.

— Да и я вот слушаю тебя, и самому не по себе становится, — огромные, как у медведя, руки Регина потянулись к кожаной фляге. Откупорив ее медленно и с какой-то отцовской любовью, мужчина сделал большой глоток.

— И этот человек говорил мне не богохульствовать?! За свою любовь к выпивке ты будешь гореть в вечном пламени, и никто не посмотрит на твои боевые заслуги! — выпалил Кристоф.

— Ой, да ладно тебе! — по-доброму улыбнулся топорщик. — К церкви же идем, а у меня как раз денежка припасена на индульгенцию. Я без лишней монеты в кармане — ни капли. Ты же знаешь! — он похлопал товарища по плечу и пошел в том направлении, о котором сказал.

Кристоф только вздохнул и, покачав головой, снисходительно ухмыльнулся. Все не без греха, но пагубное пристрастие Регина он совсем не одобрял, считая это слабостью.

Глава 2

Ибриен из Зеленых Холмов

Сколько она уже здесь просидела? Ночь минула? Или солнце там, на поверхности, только прячет огненные лучи до утра? Ибриен отдала бы все, что у нее осталось, а это лишь достоинство и жизнь, за то, чтобы почувствовать на лице живительный свет. Наверное, ее мучители, сами того не подозревая, обрекли ее на самую жестокую пытку: тьмой. Ибриен всегда любила свет, огонь, жизнь! Она вся состояла из этого, по ее венам тек огонь. Но в этой холодной и сырой темнице не было ни капли жизни. Разве что крысы бегали где-то рядом. Она их не видела, но слышала тихое попискивание и топот маленьких лапок.

Ее как будто сковало коркой льда. А самое обидное, что дар не слушался. Она пыталась призвать огонь, но тот как будто забыл о ее существовании. Кандалы, которыми ее сковали после неудачного сожжения, были сарамитовыми[1], только так она могла объяснить то, что сила покинула ее. Беспомощные слезы катились по щекам. И, кажется, это единственное, что еще сохраняло тепло в ее теле. Лишь эти соленые капли жгли.

Внезапно что-то привлекло ее внимание. Какой-то звук. Кто-то приближался по коридору. Ибриен непроизвольно сжалась, ожидая, что последует за этим. Послышался лязг металлического засова. Девушка быстрым движением вытерла слезы, чтобы ни одна местная крыса не увидела, что творится у нее внутри, и села, плотно подтянув колени к животу, чтобы прикрыть наготу хотя бы так.

Дверь распахнулась. В глаза ударил яркий свет факела. Ибриен непроизвольно закрыла лицо сгибом локтя. Некоторое время стояла жуткая тишина. Глаза постепенно привыкали к свету. Пленница медленно опустила руку и так же неторопливо подняла глаза.

На нее двумя округлившимися, как ей показалось, от ужаса глазами, смотрел молодой мужчина. Не слишком высокий, но коренастый, со светло-пепельными волосами, которые крупными завитками спадали на лоб и едва прикрывали уши. В одной руке он сжимал факел, в другой держал кувшин, на горлышке которого лежал ломоть хлеба.

Светоносец. Это сразу стало понятно по его доспехам и эмблеме на них. Каждый слугитель ордена носил на облачении определенный символ. Этот имел льва, что означало храбрость, об этом все знали. Но он вовсе не выглядел смелым. Совсем наоборот. Застыл каменной статуей и не двигался. Что же его так напугало? То, что она ведьма или то, что она совершенно нагая, быть может?

Глядя на это неуверенное выражение лица, Ибриен почувствовала, как от живота вверх к шее поднимается горячая ненависть. Это чувство выжгло из нее все остальные, в том числе и стыд. Девушка медленно, не обращая внимания на боль в затекших конечностях, поднялась во весь рост, являя одному из извергов всю себя. Она гордо подняла голову и посмотрела прямо в его голубые глаза.

Наконец тот очнулся. Он стыдливо опустил взгляд. Пленница презрительно ухмыльнулась одной стороной лица.

— Пришел полюбоваться? Так что ж глаза прячешь? — насмешливо произнесла она и закашлялась. В горле было сухо, Ибриен терзала жажда.

— Я принес воду и хлеб, — тихо сказал он, все еще не поднимая головы. — Вот, — он сделал два шага вперед и быстро поставил кувшин на каменный пол.

При слове «вода» у девушки еще больше засадило горло. Она так страстно желала напиться! Жажда была сильнее холода, от которого ее ладони мелко подрагивали. Но не сильнее презрения к этим людям. Когда воин отошел обратно к двери, она приблизилась к кувшину, сняла хлеб и, кинув его под ноги, раздавила, а сосуд подняла и нарочито медленно вылила содержимое на пол, наслаждаясь растерянностью, которая завладела ее тюремщиком.

— Я не нуждаюсь в ваших подачках, — криво усмехнулась Ибриен, позволяя всем своим чувствам отразиться в одном этом жесте.

Он снова поднял на нее взгляд и, покачав головой, вышел и захлопнул за собой дверь. Ведьма зарычала и с размаху кинула в том же направлении кувшин. Он с треском врезался в дверь и, судя по звуку, рассыпался на сотни черенков.

Пленница без сил опустилась на пол, тело сводило мелкими судорогами от холода. Остался только он. Больше никаких ощущений. Последние она растратила на этого испуганного светonosца. Даже интересно, какие байки про нее он будет рассказывать своим товарищам?

Она уже погружалась в полубытье, обхватив колени руками, чтобы сохранить хотя бы крохи тепла, когда дверь снова отворилась. Ибриен чуть повернула голову в сторону выхода. Все тот же посетитель, не глядя на нее, тщательно обошел лужу, которую она тут устроила, хрустя глиняными осколками. И, подойдя к ней, положил рядом стопку какого-то тряпья, тут же покинув каморку.

Ибриен еще долго не двигалась, не позволяя себе притронуться к тому, что принес этот человек. Однако в конце концов всепоглощающая мерзлота доконала ее. Скрюченными ледяными пальцами она нащупала длинную тонкую рубаху и грубое шерстяное платье, которые поспешила натянуть трясущимися руками. Но было и еще кое-что. Одеяло! Он зачем-то принес ей одеяло! Неужто сжалился? Ибриен чуть не рассмеялась вслух. Такие, как он, не знают сострадания. Однако она с ног до головы завернулась в спасительное тепло, почти сразу же погрузившись в тяжелый сон.

Кристоф из Рейгона

Солнце еще только начало подниматься над горизонтом, но армия уже выстроилась у входа в городской храм. Две дюжины светonosцев в металлических доспехах и светлых плащах с некоторой долей превосходства поглядывали на тех, с кем им предстояло сопровождать ведьму к месту казни. Две сотни копий пехотинцев устремились в небо, подобно соснам, что пойдут на мачты. Доспехи из грубой кожи сливали их в однородную массу, где было не разобрать лиц.

Светonosцы выделялись на их фоне. Многие из них имели свои эмблемы на плащах и щитах. Регин, к примеру, гордо носил медведя. На теле зверя было множество ран, но он оставался сильным, гордым и свирепым. У массивных задних лап его валялись поверженные враги. Медведя удостаивались те, кто продолжал биться, несмотря на серьезные увечья.

Лучник Орм носил символ кошки. Изображение, казалось бы, не самого крупного хищника вызывало у других светonosцев уважение. Выпады кошки всегда точны и по самым уязвимым местам. Орм, как никто другой, умел определять во время боя самого опасного противника и воткнуть ему стрелу промеж глаз. Кристоф же нес символ льва, говоривший о том, что воин сей многократно первым врывается в строй врага, но при этом сумел выжить. Однако сейчас он был вовсе не так смел, как рычащий лев на его щите. Взгляд у него то бегал, то надолго замирал в одной точке. Что-то его явно тревожило.

— Ну как? Видел ведьму? Страшная? — наклонился к нему Орм, стоявший по правую руку.

— Отстань от Кристофа, не видишь, наш брат в себя до сих пор прийти не может? — ухмыльнулся Регин, который был от Кристофа по левую сторону. Два друга переговаривались между собой через светonosца, будто его тут вовсе не было.

— Я не виноват, что он короткую соломинку вытянул, когда спорили, кто будет проклятую кормить.

— Вы не понимаете, — неожиданно взял слово Кристоф, — я просто вот о чем думаю...

— И о чем же? — перебил Регин.

Но Кристоф не успел ответить, потому что к ним вышел сам верховный инквизитор. Обычно люди его положения носили богатые одеяния, но этот был явным исключением. Он предпочитал простые походные вещи и мантию цвета мазута, на которой даже вышитое яркое солнце — символ служителя Праотца — смотрелось бледно. Он вышагивал в сопровождении дюжины солдат в черных доспехах с такими же эмблемами. Воины святой инквизиции. Верхушка среди всех служителей божьих. От них веяло незримой силой, которая заставила простых пехотинцев опустить головы, а особо болтливых светоносцев — замолчать.

Двое инквизиторов тащили на цепи ведьму, из-за которой они здесь собрались. На этот раз она уже не была настолько смелой, как вчера. И даже солнце, что стремительно показывалось из-за горизонта, ее не радовало. На ней были серые лохмотья, дабы не смущать народ. Она смотрела в землю и, похоже, ждала, что будет дальше.

— И вот ее ты испугался? Я-то думал, что у нее копыта вместо ног или змеи в волосах. Наверное, у нее раздвоенный язык или волчьи зубы? — прошептал Орм, желание поболтать было у него в крови, и никакой страх перед верховным не мог держать его в узде слишком долго.

— Нет у нее никаких волчьих зубов! — гневно шикнул на него Кристоф. Идея изливать душу прямо во время речи главного не сильно-то ему нравилась.

Тем временем оратор встал недалеко от ведьмы перед небольшой армией и произнес настолько тихо, что всем стоявшим перед ним пришлось прислушиваться:

— Я верю в справедливость.

Вокруг воцарилась тишина, и мужчина произнес громче для тех, кто не расслышал:

— Я верю в справедливость, — а затем он возвел руки к небу и почти прокричал: — Я ВЕРЮ В СПРАВЕДЛИВОСТЬ ОГНЯ! Я верю в щедрость и любовь пламени, что дарит тепло нуждающимся и освещает путь заблудившимся в ночи!

— Видимо, это надолго, — пробубнил себе под нос Регин.

Он, как и все светоносцы, недолюбливал инквизиторов. Воинов его ордена всегда посылали не просто туда, где плохо, а туда, где хуже некуда. Туда, где враг очень силен и опасен. Инквизиторы же терзали крестьян в бессмысленных поисках ведьм. И вот надо же, нашли! Но больше всего досаждало то, что Герман Гроэр на время подготовки к священному походу отменил все службы и обряды в местном храме, включая индульгенцию, на которую так рассчитывал Регин. Там дел-то всего на пару минут...

— Но иногда огонь попадает не в те руки. Своими мерзкими, корявыми пальцами они уродуют и извращают великий дар! Дом, который пламя должно было согревать, оно обращает в головешки. Вместо того, чтобы подогреть еду, оно уничтожает посевы, а вместо проклятого еретика, его языки охватывают честного человека! — инквизитор взял паузу, осматривая собравшихся. — Воины Праотца! Нам предстоит нелегкая миссия. Путь к капищу неблизок и тернист. И лишь Праотец знает, какие преграды встанут на нашем пути. Но я верю, что, ведомые верой, мы... — Герман говорил и говорил. И речи его были наполнены пафосом, ненавистью и фанатизмом.

Кристоф смотрел на Ибриен, и образ этой раздавленной жизнью девушки никак не сочетался с тем, что говорил инквизитор. Она выглядела слишком сломленной. Да, слухи про нее ходили разные, но сам светоносец не видел ни единого подтверждения им.

А еще молодой воин не мог не заметить того, что дева была чертовски хороша. Да, кандалы и тюремные лохмотья никого не красят, но ее огненный водопад волос нельзя было испортить ничем. Он старался не смотреть в ее сторону, дабы не встретиться с ней глазами.

— Зачем вести ее куда-то, если можно просто уморить в темнице? Сама испустит дух за считанные дни, — уставший от речи Германа, Кристоф начал тихо переговариваться с товарищами.

— Ну так это... Ведьм сжигать надо, на всякий случай, как говорится. Чтобы не воскресла и не стала во сто крат сильнее, — неуверенно парировал Регин, которого долгая речь инквизитора тоже порядком утомила.

— Некромантия давным-давно утеряна, — отмахнулся Кристоф.

— Утеряна-то утеряна, а вот традиция сжигать дьявольских отродий осталась. Вдруг какого-нибудь колдуна не добились, и он и затаился? Лучше перестраховаться, — наставительным тоном ответил Орм.

Он говорил бы и дальше, но инквизитор взял слишком высокую ноту.

— Посмотрите на нее! — возопил тот, указывая на ведьму рукой. — Она — богопротивное воплощение мерзости — виновна во многих смертях! Тьма в ее сердце настолько непроглядна, что только священное пламя способно очистить ее! Таких порождений тьмы не появлялось очень давно, и наш долг совершить паломничество к святому месту, где эта тварь найдет свой конец! Посадите ведьму в клеть! — приказал он инквизиторам.

Те схватили Ибриен под руки и поволокли к заранее заготовленной клетке через весь строй. Воины расступались, словно перед прокаженной. Когда она проходила мимо Кристофа, ее глаза были опущены, и он надеялся, что она его не заметила.

— Воины, свет несущие! — при последней фразе инквизитор широко распростер руки. — Выдвигаемся немедленно! За Праотца!

Те подняли кверху оружие и прокричали в едином порыве:

— За Праотца!

И только Регин недовольно пробубнил:

— Так индульгенцию заплатить не дадут?

[1] Сарамит — металл, который не позволяет использовать магию.

Глава 3

Герман Гроэр

Ни одна армия не движется со скоростью гонца или разведчика. Она ползет со скоростью телеги с продовольствием. Несмотря на то, что отряд Гроэра был лишен тех, кто обычно становятся обузой в войске — шутов и распутных женщин — армия двигалась медленно. А привалы совершались довольно часто.

Телега, на которой везли Ибриен, то и дело ломалась, что уже само по себе служило поводом для слухов. Воины тянули жребий, выясняя, кто будет ремонтировать повозку с клетью.

На ведьме были сарамитовые цепи, которые не давали ей пользоваться магией. Но суеверные пехотинцы все равно боялись колдовства. Все они страшились заглядывать в глаза Ибриен, и только Герман Гроэр в моменты привалов любил встать напротив ее клетки и смотреть на нее не моргая. Иногда она смотрела в землю, словно не замечая его. Порой поднимала глаза, и тогда между ними устанавливалось что-то вроде противостояния воли. Один раз Ибриен не сдержалась и плюнула инквизитору в лицо. Стерев плевок, он, довольный, пошел по своим делам, видимо, посчитав ее несдержанность своей победой.

От таких откровенно показных жестов доверие к Герману среди воинов рос, подобно волшебным бобам из сказки. Некоторые, вдохновленные его примером, смелели и встречались с ведьмой глазами, но стоило ведьме лишь сощуриться, как смельчаков сдувало, словно ветром.

На тракте, по которому везли Ибриен, самой большой проблемой должны были стать небольшие банды разбойников. Но лазутчики тех, завидя столь крупный и хорошо вооруженный отряд, не вступали в бой, а просто пропускали непрошенных гостей. Внешне армию Германа никто не беспокоил. Проблемы начались изнутри.

На третью ночь странствия произошло убийство. Два пехотинца что-то не поделили с товарищем. Слово за слово — началась драка. Разняли смутьянов слишком поздно, одного успели пырнуть мечом в живот. Как светоносец с навыками лекаря не пытался вернуть его к жизни, его душа отправилась к Праотцу. Двое выживших убеждали Германа, что какая-то пелена окутала их рассудок, и они не ведали, что творили. Конечно же, во всем винили Ибриен. Однако инквизитор оказался неумолим. Казнив смутьянов поутру, Герман приказал продолжать путь.

Дальше — хуже. Некоторые воины стали жаловаться на боли в животе. Повара искренне не понимали, в чем дело. Продукты были хорошие, да и готовили они их как обычно. Впрочем, несварение у его войска слабо заботило Германа. Его больше тревожило, что сама ведьма отказывалась принимать пищу. Бурдюк с водой она принимала, но вот глиняные тарелки, что ей протягивали между решеток, неуклонно летели на землю.

На пятый день Ибриен начала сильно кашлять, ее исхудавшее тело бил озноб. Чем слабее становилась Ибриен, тем больше беспокоился верховный инквизитор. Словно больная она была куда опаснее, чем здоровая. На шестой день во время привала он подозвал к себе одного из светоносцев.

Мужчину звали Рудхарт. Он носил на щите корень мандрагоры, которая говорила о нем, как о выдающемся лекаре. По соседству с корнем на его щите плавал здоровенный окунь. Знак того, что он не выдал секреты под пытками.

— Послушай меня, сын мой, — тихо обратился Гроэр к лекарю. — Я хочу попросить тебя об одном очень деликатном деле.

— Я слушаю, ваше святейшество, — склонил голову Рудхарт.

— Ведьма совсем плоха. И пусть никто не придает этому значения, меня это тревожит.

Рудхарт бы мог попытаться узнать причину беспокойства Германа. Но окунь на его щите не привык задавать лишних вопросов.

— Что от меня требуется? — лишь спросил он.

— Ночью, когда все, кроме часовых, будут спать, мне необходимо, чтобы ты осмотрел ее и поправил бы ее пошатнувшееся здоровье. Даже если она будет сопротивляться. И, конечно же, об этом не нужно знать никому.

— Я сделаю все, что от меня зависит, ваше святейшество, — заверил Рудхарт с полупоклоном, но, немного подумав, добавил: — Ведьма весьма ретива и будет сопротивляться. С вашего позволения со мной будет пара помощников. Они из пехоты, но очень надежны. Я много лет воевал вместе с ними на севере.

Герман лишь утвердительно кивнул.

— Если что, ответишь за их языки своей головой, — молвил он и, развернувшись, ушел.

Ибриен из Зеленых Холмов

Снова пошел снег. Ибриен всегда любила это время года. Особенно выйти в поле, подальше от всех, и ловить снежинки губами. Они сразу таяли, оставляя на коже холодные капельки. Воздевать руки к тяжелым снежным тучам и кружиться вместе с метелью. Да, ее стихией был огонь, но в снежном танце тоже ощущалось нечто волшебное и совершенно непередаваемое словами. А еще снежки! Но это немного позже, когда зима окончательно входила в свои права, а снега наметало по колено. Тогда она выбегала на двор вместе с сестренкой Эби, и начинался бой! Они метали друг в друга снежные комки и смеялись порой до слез! А потом падали в снежную перину от изнеможения.

Только это было в другой жизни. В том счастливом мире, который безнадежно разрушили. Внутри Ибриен не осталось места ни слезам, ни смеху. И если бы только не то жгучее чувство ненависти, которое словно подогревало ее изнутри, она давно бы уже замерзла насмерть.

Часть ее клетки, этой передвижной тюрьмы, в которой ее волокли по полнейшему бездорожью, накрыли куском ткани, чтобы хотя бы немного защитить от пронизывавшего до костей ветра, потому что ведьма демонстративно не принимала ничего от мучителей, в том числе и не собиралась накидывать на себя медвежью шкуру, которую ей столь «любезно» предоставили, чтобы она не умерла раньше времени. Кажется, все боялись, что если она не дотянет до священного пламени, то обязательно восстанет из мертвых или что-то в этом духе. Глупый, дремучий народ. Как можно поклоняться Праотцу и не чтить всех его созданий? Она такая же, как и они. Праотец тоже создал ее, еще и отметил своей силой! Но вместо того, чтобы жить в мире, ученые отцы, те, кто возомнил себя выше других, несли в этот мир только ненависть. И Ибриен ненавидела их тем, что осталось от ее сердца.

Она не смогла отказать себе только в одном: выпила кружку воды, потому что жажда стала нестерпимой, а те редкие снежинки, которые ей удавалось словить губами, как раньше, только делали хуже.

Она ненавидела всех вокруг, но сосредоточением этого чувства был один человек. И имя ему — Герман Гроэр. Ибриен слышала все, что он говорил, иногда собирая людей всех вместе. Он вещал о каких-то высоких вещах. О вере, целомудрии, щедрости, сострадании и еще кучи понятий, о которых на самом деле и не знал. Вероятно, именно по его приказу погибли все, кто был ей дорог. Это он должен поплатиться за все! За каждую каплю крови ее родных. За все страдания Ибриен. И так обязательно случится. Только нужно придумать, как это сделать. Как выбраться из клетки и уничтожить всех врагов. Из почти девочки Ибриен превратилась в безжалостную убийцу. Да, она еще никого не убила. Но это пока. Пускай только ей представится возможность. Лишь один шанс. И она его не упустит!

Становилось все холоднее. В особенно студеные ночи ее переводили из клетки в шатер, который находился под постоянным наблюдением. И хотя его стены спасали от пронизывающего северного ветра, сильно теплее Ибриен не становилась. Холод разъедал изнутри.

Но однажды после захода солнца он перестал терзать ее, она словно впала в полузабытье. И это приносило покой. Может быть, все же пора прекратить бороться? Она так устала... Ей показалось, что за руку ее держит мать. Она заботливо потрогала ее лоб, как бывало, когда Ибриен простужалась в детстве.

— У нее жар! — сказала мать кому-то мужским голосом. — Переложите ее на шкуру и несите еще одну!

Ибриен, ничего не понимая, с трудом открыла глаза. Все двоилось.

— Я Рудхарт, врачеватель, — он внимательно смотрел на ведьму.

Она хотела отмахнуться, сказать, чтобы убирался к демонам, но сил на это не хватило. Как во сне, она ощущала, что ее подняли и переложили на мягкую теплую шерсть. Точь-в-точь, как у ее Лэни. Однажды Ибриен нашла в лесу умирающего волчонка. То ли мать малышки погибла, то ли бросила слишком хилого щенка. Ведьма спрятала находку за пазуху и скорее пошла домой, где дала меховому комочку козье молоко. На нем-то Лэни и выросла. У нее были проблемы: волчица не могла долго бегать, лапы начинало сводить судорогами, поэтому в лесу она в любом случае не выжила бы. Кроме того, она оказалась очень маленькой, не больше обычной дворняжки, каких можно встретить в городе. До грозного лесного хищника той было далеко. Однако Ибриен сильно любила Лэни, а та ходила за ней хвостом. Где она сейчас? Девушка надеялась, что молодая волчица спряталась где-то или убежала, а не погибла, как и остальные дорогие ей существа.

— Что она сказала? — послышалось где-то рядом, говорил тоже мужчина, но другой.

— Какую-то Лэни зовет, — с усмешкой сказал врачеватель.

На Ибриен опустилось тяжелое одеяло. Она наконец стала что-то ощущать. Ее трясло. В тишине она стала погружаться в темноту, словно проваливаясь в ничто.

— Сколько дней она уже не ела? — снова услышала ведьма, улавливая слова краем сознания.

— Всю дорогу, — послышался грубый мужской голос.

— Да и в заточении тоже аппетита не было, — вторил другой.

— Значит, — лекарь сделал паузу, будто прикидывал в уме что-то, — неделю или даже больше. А это около десяти теплых булочек, пара колец колбасы и галлон куриного супа, которые уже никогда не наверстать. Э, нет, так дело не пойдет. Так она точно до святого места не дотянет. Принеси-ка сюда кружку теплого бульону, — снова приказал он кому-то.

Ибриен из Зеленых Холмов

Ибриен из последних сил открыла глаза и прошептала, потому что голос не хотел слушаться:

— Нет.

— А тебя никто не спрашивает, — резко оборвал ее попытки возразить Рудхарт.

— Приподними ее!

Ибриен почувствовала, как чьи-то руки довольно бесцеремонно схватили ее и придали сидячее положение.

— Пей! — врачеватель приложил к ее губам кружку.

Ведьма чуть отклонила голову в сторону от жидкости, пахнувшей вареным мясом.

— Торк, возьми у меня в сумке воронку, придется заливать.

Эти слова как обухом по голове ударили Ибриен.

— Я сама, — проговорила она.

Не хватало еще лишиться последних крох достоинства.

— Что значит, не будешь?! Я тебя заставлю и глазом не моргну! — реакция Рудхарта оказалась неожиданной. Ибриен показалось, что тот просто не расслышал ее слова, и она постаралась выхватить кружку из его цепких пальцев, но тот отдернул ее и разлил содержимое на

землю. Не успела ведьма возмутиться, как врачеватель вызывающе заговорил, не давая ей и слова вставить:

— Вот чертовка! Не для того этот суп не доел воин Праотца, чтобы ты мне свой гонор показывала! — после чего мужчина схватил ее за волосы. А потом последовал тяжелый удар увесистой ладонью. Только вот бил он не по ее щеке, а по собственному запястью.

— Доверься мне, — лекарь подмигнул Ибриен, после чего встал, дабы начать диалог с инквизиторами, охранявшими ее шатер.

Поведение этого странного человека вызвало в ней интерес. Странную, казалось бы, давно уже забытую эмоцию.

— Эх, погода сегодня! В такое время с товарищами байки у костра травить да на звезды смотреть, а не вливать в ведьмин рот похлебку, — начал Рудхарт.

Охранников у Ибриен было трое. И все они никак не реагировали на его попытки заговорить с ними. Один то и дело кидал презрительный взгляд на Торка, который копошился в сумке, что валялась у его ног. Другой помощник лекаря постоянно протяжно зевал и вел себя безучастно. Его зевота становилась заразной, что сильно раздражал другого инквизитора. Всем троим не терпелось, чтобы эти горе-врачеватели поскорее отсюда ушли.

— Нашел! — радостно завопил Торк и поднял заветную «воронку», подставляя лунному свету.

— Торк, скажи мне: ты совсем дурак? Ты ей похлебку собрался через какое место заливать? Я сказал «воронку», а не «клизму»!

Глаза у ведьмы чуть расширились.

— А-а-а, — протянул мужчина и, пристыженный, снова взялся за поиски. Инквизитор, стоявший рядом с ним, презрительно отвернулся.

— А он точно лекарь? — подал голос главный в карауле.

— Он — нет, а я — да, — с улыбкой ответил Рудхарт. — С детских лет ничего так не ценил, как человеческую жизнь. Вот вы, святые отцы, задумывались когда-нибудь о ее истинной ценности?

При этих словах вечно зевающий помощник Рудхарда скривился. Видимо, эту историю он слышал уже очень много раз.

— Знает ли цену жизни тот, кто посвятил себя служению Праотцу? — недовольно буркнул инквизитор.

— О-о-о, у меня и в мыслях не было обесценивать ваше служение, святой отец! Но думали ли вы о жизни, дарованной нам Праотцом, с иной точки зрения? Ведь тот суп, который эта тварь самым наглým образом разлила, состоял из овощей и мяса курицы. Птица эта бегала по двору и кудахтала днями напролет. Ее жизнь была наполнена куриными радостями, когда к ней приходил молодой петушок, и куриными горестями, когда она с болью несла яйца.

— Торк, ты долго еще? — буркнул пехотинец.

— Сейчас-сейчас Алиус, — сказал тот, вытаскивая из сумки какой-то котелок, который мешал ему в поисках. Торк отшвырнул его в сторону, и тот случайно плюхнулся на ногу одного из инквизиторов. Он инстинктивно схватился за меч, но, подавив злобу, убрал его обратно в ножны.

— Но однажды жизнь курицы прервал обычный мужик с ножом. Для чего? Чтобы поесть, скажете вы. Но я отвечу на этот вопрос по-другому. Чтобы продлить собственную жизнь, хоть ненадолго. В этом и заключается вся ирония нашего существования. Чтобы жить самому и даровать жизнь потомкам, нужно постоянно отнимать ее у кого-то другого. На севере даже есть племя иргунов, они обучены древнему искусству, как передавать жизненную энергию от одного человека к другому.

— Мне нет дела до темного языческого ритуала! — рывкнул инквизитор еще более раздраженно, потому что Торк случайно разбил о котелок содержимое нескольких колб.

— Торк, какой же ты идиот! Ты вообще понимаешь, насколько это дорогостоящее снадобье? Многие собирали, высушивали и терли травы в ступках, чтобы ты обесценивал их труд! Ты вообще осознаешь, что обесценивание чужого труда — это маленькое убийство?

— Мне казалось, что светоносец с окунем на щите должен быть нем как рыба, а ты тараторишь без умолку, — скривился главный из охранников.

Ведьма даже готова была согласиться с ним. Этот странный лекарь действительно говорил слишком много. Однако ее не покидало ощущение, что делает он это с какой-то целью. Что он задумал?

— Окунь говорит лишь о том, что я способен стиснуть зубы под пытками. Ни раскаленной кочерге, ни плетке с вплетенными частицами слоновой кости, ни стальному быку не выпытать из меня ни единого слова. Уж поверьте, племя иргунув, о котором я говорил, может потягаться в этом деле даже с вами, святой отец, — голос Рудхарта утратил привычную веселость и стал каким-то тоскливым, но в то же время в нем угадывались металлические нотки. — У них было много пленных. Простые пехотинцы и один-единственный светоносец — я. Нужно ли говорить, что знания в этой голове были для них куда ценнее? — мужчина постучал указательным пальцем по виску, а его помощники едва заметно напряглись. — Простых пехотинцев содержали в весьма неплохих условиях. Там было тепло и очень даже уютно. Их хорошо кормили, только раз в пару дней приходили иргуны и уводили одного из них. Назад никто не возвращался, потому что их жизненные силы передавали мне. Когда я думаю об этом, мне кажется, что после четвертой жизни им стало интересно, как долго я продержусь. Двенадцатый пехотинец оказался последним. Жертвовать своими соплеменниками они не стали. Зато я, проведя среди них много времени, кое-чему научился. Одной простой истине: жизнь бесценна!

Ибриен показалось, что последняя фраза послужила сигналом. Торк, который так неуклюже копался в сумке, на деле оказался очень проворным. Его рывок к инквизитору занял лишь мгновение. Нож полоснул по горлу, и служитель инквизиции пал замертво. Вечно зевающий Алиус при очередном зевке очень ловко выхватил кинжал, покоившийся в рукаве, и отправил его промеж глаз другому охраннику Ибриен. Третий хотел закричать, но Торк уже вогнал нож ему в живот. Кровь полилась изо рта, и он мешком осел на землю.

Ибриен из Зеленых Холмов

Случись такая бойня на глазах пленницы несколькими неделями раньше, она наверняка испытала бы крайнюю степень испуга. Возможно, образы мертвых инквизиторов являлись бы ей в кошмарах. Но только не теперь. Она спокойно приподнялась на локтях и смотрела, как три человека лишились жизни, и ни одна струна души не оказалась при этом задета. Она не испытала ничего. Даже темного удовлетворения от того, что часть ее мучителей отправилась в мир иной. Как будто перед ней просто обезглавили парочку птиц, о которых только что говорил этот врачеватель. Туда им и дорога.

— Палатку кровью не запачкали? Следы хорошо видно при свете факелов, — Рудхарт бегло осматривал место боя.

— Нет, хорошо сработали.

— Отлично, этот живой? — спросил Рудхарт про того, у которого из живота била кровь.

— Пока да, но жизнь стремительно его покидает.

— Сколько есть, все наше. Тащите его сюда, парни.

Торк и Алиус взяли инквизитора за руки и подтащили к Ибриен.

— Торк, поищи у него ключи от сарамитовых цепей. Они будут мешать ритуалу. Алиус, будь на страже. Прошу прощения за то, что так грубо схватил тебя за волосы, — обратился он к Ибриен.

Та лишь непонимающе на него посмотрела. Она еще не вполне определила, друг он ей или враг, просто имеющий на нее виды, отличные от тех, которые имеют на нее инквизиторы. Именно поэтому ведьма не торопилась радоваться.

— Нашел! — Торк, который так долго искал воронку, на деле оказался куда более ретивым и скоро обшарил все карманы охранника.

— Встаньте на колени рядом со мной. Да, вот так, — говорил мужчина Ибриен, пока Торк помогал ей избавиться от оков. Для побега тебе понадобится много сил. Поэтому мы позаимствуем у него то, что он с такой легкостью отнимал у других. Эй-эй! Не засыпай! — лекарь похлопал инквизитора по щекам. — Ты должен бодрствовать, когда я провожу ритуал. Но не волнуйся так, судя по тому, как заплывают твои глазенки, он не продлится долго, — говоря с умирающим, Рудхарт спешно закатывал рукава. Когда он возложил одну руку на лоб раненого, а вторую протянул Ибриен, та не спешила принимать ее, все еще не до конца доверяя спасителю.

— Все вопросы потом, доверься мне! — резко сказал он. Этот повелительный тон возымел действие, и девушка протянула ему руку.

Алиус

Алиус не любил смотреть на этот ритуал. Его пугало буквально все. Непонятные слова, которые произносит Рудхарт. То, как усыхает инквизитор, подобно винограду на солнце. И даже то, как появляется румянец на щеках юной ведьмы. Но даже этот страх показался ему несущественным, когда в отдалении он услышал голоса переговаривающейся группы инквизиторов.

Воины неохотно приближались к шатру.

— Проклятие! У них же смена караула должна быть через полтора часа! — нервно бросил Алиус. — Что делать будем?

— Надо Рудхарта прерывать и бежать, — предложил Торк.

— Ты в своем уме? Он сто раз говорил, что нельзя прерывать ритуал! — Алиус снова глянул на инквизитора. Тот уже напоминал лоскут кожи, натянутый на скелет. Впалые глаза нервно бегали, а рот издавал еле слышное подобие мычания. Это было тело, неспособное жить, но Рудхарт, видимо, вознамерился высосать его жизнь до последней капли.

— Придется разобраться с этими тремя. И по-тихому, — подытожил Алиус, сам особо не веря в то, что у них может что-то получиться.

Тем временем голоса сменного караула становились все ближе.

Торк

На людях инквизиторы были молчаливы, окутаны ореолом тайны. Но когда все спали, между собой, служители святой инквизиции больше походили на обычных людей. Словно простые пехотинцы шли заступать на пост, переговариваясь о том о сем.

Однако стоило им подойти ближе, как Торк осознал, что их дела на самом деле гораздо хуже. Чем ближе становились голоса инквизиторов, тем понятнее было, что их явно больше, чем трое.

— Проклятие! Тихо никак не получится, — обреченно проговорил Торк и как-то глупо, почти по-детски, улыбнулся.

— Да не паникуй ты раньше времени! — ответил ему Алиус, хотя голос его срывался, а пальцы теребили рубаху.

— Я знаю, как быть.

— Как? — Алиус взглянул на товарища с надеждой.

— Все они кое в чем одинаковы, — улыбка на глазах Торка стала совсем вымученной. — Прости, братишка, если чем обидел, — с этими словами он оттолкнул Алиуса в сторону и выскочил из шатра.

Необходимо было встретить инквизиторов как можно дальше от шатра. Завидев их силуэты, Торк тут же сменил твердую походку на пошатывающуюся.

Стоило инквизиторам его заметить, как те остановились, ошарашенные такой дерзостью. Как же: простой пехотинец посмел ночью напиться в лагере! Но это было только начало.

— Святые отцы! — Торк икнул и дружелюбно развел руки в стороны. — А я тут это... Позволил себе немного лишнего!

— Назови свое имя и имя своего командира! — повелительно крикнул один из инквизиторов.

— Я это... Торк меня кличут, — пехотинец проигнорировал вторую часть вопроса. — Вы не подумайте, святые отцы, я обычно ни капли в рот не беру, но, бывает, стоишь целый день в карауле. Всякая чертовщина начинает мерещиться, а я простой мирянин, и вера моя слаба. Приходится успокаиваться иным способом... — Торк тянул бы время и дальше, мастерски имитируя пьяный бред. Но удар тыльной стороной ладони заставил его замолчать.

— Ай, зачем вы так?! Я же ничего плохого не...

Второй инквизитор уже ударил по боку, заставляя несчастного Торка осесть на землю.

«Пока я раздражаю их, они никуда не двинутся. Главное — терпеть и продолжать глупо улыбаться», — думал он, изо всех сил пытаясь не начать защищаться, хотя тело, закаленное в боях, очень желало отражать удары.

— Ну, зачем же вы так, святые отцы? Вы же служители Праотца, а я не еретик какой, не исчадие ведьм проклятущее. Я истинно верующий, который лишь единожды оступился...

Его пнули под ребра. Почти сразу он почувствовал, как чья-то рука задирает его голову за волосы.

— Где ты взял выпивку? Говори!

Торк лишь молча смотрел в ту сторону, откуда могла прийти помощь от Алиуса. Но она не приходила. Значит, все, что он испытает, будет не зря.

Ибриен из Зеленых Холмов

Поначалу было трудно даже пошевелиться, все движения получались заторможенными, словно Ибриен вернулась не в свое тело. Первыми стали слушаться кончики пальцев, потом — кисти. Ведьма сжимала и разжимала кулаки, чувствуя, как кончики ее пальцев источают жар. Магия, которую так долго и упорно удерживали, просилась на волю. Она будто находилась в скорлупе яйца, а теперь та треснула. Девушка точно была слепа и прозрела. Сила рвалась из нее, распирая во все стороны. Нужно было дать ей выход, потому что это туманило рассудок.

Когда к ведьме вернулась способность воспринимать звуки, она услышала встревоженный голос Алиуса:

— Рудхарт, можешь идти?

— Да, я в полном порядке, — пробубнил светоносец, пробуя подняться, после чего повалился на землю, как мешок с навозом.

— Проклятие! Ритуал прошел тяжело. Похоже, вам придется без меня.

— Где третий? — проговорила Ибриен. И ее голос прозвучал неестественно даже для нее самой.

— Прошу, говорите тише! — прошептал Алиус. — Он остался, дабы мы могли жить.

Ибриен не могла знать, что случилось, но мысли сами сложились в примерную картину. С человеком, который ей помог, произошло что-то нехорошее.

— Веди меня к нему! — приказала Ибриен, чувствуя страх мужчины, который отвечал ей.

— Я подчиняюсь сиру Рудхарту, — пролепетал он, но остаток его былой решимости смыло волной, когда Ибриен повторила приказание.

Глаза ее пылали, она ощущала, как в них разгорались огни, которые грозили спалить тут всех и вся.

— Веди. Меня. К нему!

Кристоф из Рейгона

Кристоф пробудился ото сна, словно его облили ушатом холодной воды. Он напрочь не помнил, что ему снилось. Но, поворочавшись около получаса, осознал одно: заснуть явно не сможет. И дело было явно не в громогласном храпе Регина. За годы походов он привык засыпать в более трудных условиях. Просто что-то тянущее и злое не давало сомкнуть глаз.

Как обычно, чутье Кристофа словно брало светоносца за руку и вело туда, где должно случиться что-то явно недоброе. Он не знал, почему так всегда происходило. Возможно, кроме него, никто не был способен решить проблему? Или же эта сила просто желала ему смерти?

Зная себя, Кристоф встал на ноги и, вооружившись мечом, с которым никогда не расставался, решил прогуляться по лагерю куда глаза глядят. Ибо дорога возникает под шагами идущего.

— Ну же, давай. Как говорит поросенок? — инквизитор говорил приторно ласково. Один его голос вызывал омерзение. Но его товарищи лишь весело гоготали над очередной порцией шуток.

Прямо на земле лежал пехотинец отхаркивая собственную кровь.

— Не надо, пожалуйста! — проскулил он.

Но тяжелый сапог наступил на его пальцы и, надавив на них носком, прокрутил пару раз.

— Просто скажи, как хрюкает поросенок, и мой друг не будет тебя бить. Ну же, давай, ты так хорошо начинал! Чего сейчас заупрямился?

— Оставьте его в покое! — из темноты послышался голос Кристофа.

Он надвигался на них, как лев идет на стаю гиен: уверенно, оскалив зубы.

— Как ты смеешь обращаться к слугам ордена, не склоняя головы?!

— Я светоносец, а не простой пехотинец, — выдал он. — Зачем вы мучаете его?

— Есть десяток причин, по которым мы можем это делать. И не одной, чтобы ты вмешался без последующего наказания.

— Может, проведем на нем испытание огнем? — проговорил один из инквизиторов. Голос у него звучал ровно, спокойно.

— Давайте переломаем ему пальцы, чтобы не то что меч, перо держать не мог, — другой святой отец произнес это как-то по кошачьи, говоря в нос, растягивая слова, словно мурлыкал, что совсем не сочеталось с его могучим телосложением.

Все инквизиторы были кое в чем одинаковы. Дурели от вкуса крови и уже не могли остановиться. Слишком много полномочий получил их орден, чересчур много власти они имели, якобы служа Праотцу.

— Я на вашем месте не пытался бы запугивать того, кто носит на доспехах знамя льва, — спокойно заметил Кристоф. Драки с единоверцами он не хотел, хотя они и казались ему насквозь гнилыми. Но увы, инквизиторы не разделяли его желания. Кристоф заметил, как двое из них тянутся к оружию, а один начинает обходить его сбоку.

— Не стоит этого делать! Клятвы запрещают светоносцам убивать тех, кто верит в Праотца, но я могу вас поранить.

— За каждую царапину на наших телах с тебя верховный инквизитор шкуру спустит, а обратно пришьет толстой иглой лишь для того, чтобы снова ее содрать! Не дури, светоносец, засунь львиную гордость себе в одно место, извинись и не меша... А-а-а!!!

Глава 4

Ибриен из Зеленых Холмов

Тонкий столб пламени, исходивший из тонких ладоней, стремительно набрал силу и моментально окутал инквизитора. Тот заметался, но ведьма водила огненной рукой следом за ним, куда бы он ни подался. Сослуживцы отступали от него, как от прокаженного, но обратить оружие на ведьму никому почему-то не пришло в голову. Очень громко кричали лошади и пытались освободиться от привязи.

Как только мужчина, объятый огнем, упал и испустил дух, Ибриен перевела руки на следующего. И только после этого инквизиторы бросились врассыпную. Но огненный столб описал круг, отрезав все пути к отступлению. Деваться святым отцам оказалось некуда. Они походили на мышей, которым в клетку подбросили змею. Одежду второго инквизитора окутало пламя. Ибриен не собиралась останавливаться. Она хотела убить каждого! Одного за другим!

Второй упал в шатер и запутался в материи, больше не шевелясь. Огонь перекинулся на ткань и взметнулся к небу, ярко освещая лагерь. Из палаток выскакивали люди. Отовсюду доносились крики:

— Тревога!

— Несите воду!

А вот «что случилось?» не кричал никто. Наверное, все сразу поняли: ведьма вырвалась на волю. Она отметила это краем сознания и даже чуть улыбнулась, несмотря на то, что была полностью поглощена уничтожением врагов.

Ибриен уже тяжело дышала. Пламя горело в ней изнутри и рвалось наружу, ибо огонь никогда не скажет: «Хватит». Однако, несмотря на боль, она незамедлительно перешла к третьему инквизитору.

Кристоф из Рейгона

Кристоф принял боевую стойку, подогнув колени, выставив перед собой щит, дабы уменьшить площадь поражения от огня. От пламени, которое горело вокруг, со лба стекали капли пота, но светоносец боялся утереть их рукой, спустить с Ибриен глаза хоть на миг.

Он очень медленно приближался к ведьме, и только когда очередной инквизитор испустил дух, к Кристофу пришло озарение. Она его не замечает! Ведьма настолько ослеплена гневом, что даже сейчас, когда глаза обращены в его сторону, она смотрит как бы сквозь него. Его шаги стали увереннее и быстрее. Нужно обездвигить ее, пока она не убила еще больше людей! Но подмога к колдунье пришла с неожиданной стороны. Трое встали перед ним живым щитом для Ибриен: терзаемый инквизиторами воин, неизвестный пехотинец и брат из его ордена!

— Рудхарт?! — вырвалось у Кристофа. — Но почему?

— Потому что жизнь бесценна, — воин грустно улыбнулся, обнажив оружие. Два помощника последовали его примеру. Они смотрели на Кристофа с некой долей страха, видимо, признавая в том куда более искусного воина, а на своего командира — с тревогой. Тот был слишком плох после ритуала и даже на ногах едва стоял.

— Уйди с дороги, я не хочу делать тебе больно! — решительно проговорил Кристоф.

— Я с болью на ты, — ответил ему тот, принимая боевую стойку. — Вы, парни, не лезьте, этот противник вам не по зубам. Уведите Ибриен.

Кристоф ринулся вперед. Рудхарт успел отразить удар. Но за первым тут же последовал второй, а за ним — еще и еще. Кристоф наступал смело и в каком-то смысле слепо. Время поджимало, нужно было как можно быстрее разобраться с союзниками ведьмы, прежде чем взяться за нее саму. Поэтому светоносец удалежки размахивал мечом, нападая на бывшего

побратима. Окунь и мандрагора на щите уже успели принять на себя по полдюжине ударов, прежде чем Кристоф решил сам взять передышку.

Больше он не слышал криков умирающих инквизиторов и, опасаясь того, что ведьма может взяться за него, он быстро глянул на нее. К его удивлению, та, почти обессиленная, стояла на коленях. Глаза у нее блеснули от слез, которые были готовы вот-вот прорваться, но, вероятно, это вовсе не из сострадания к умершим. Нет, колдунья, очевидно, испытывала физическую боль. Ее руки покраснели, а пальцы скрючились, словно у старухи. Огненный круг пламени значительно утратил в высоте и стал вполне преодолим для особо прытких. Ибриен почти не выглядела опасной.

— Все кончено, Рудхарт, — спокойно сказал Кристоф. — Ты едва на ногах стоишь, твои помощники мне не ровня, а проклятая ведьма на последнем издыхании.

— Ты действительно дурак, Кристоф. Она есть пламя, и может разгореться от малейшей искры. Позволь, я покажу тебе!

Рудхар ни на миг не упускал из виду Кристофа, видимо, готовый броситься на него, если тот нападет на Ибриен. Но его противник был слишком заинтригован происходящим. Он сам не понимал, что именно: любопытство или страх перед неизвестным заставляли его стоять на месте, выставив перед собой щит.

— Торк, Алиус. Переходим к запасному плану отхода, — спокойно сообщил Рудхарт, но от его слов оба воина почему-то нервно сглотнули.

— Что это значит? — Ибриен подняла на лекаря блестящие глаза.

— Прости меня, девочка, мне крайне неприятно это говорить, но я должен. Я думаю, потом ты меня поймешь. И помни, что я обязательно вернусь за тобой! — сказал он горячо, и вдруг тон его голоса поменялся. Он стал холодным, словно сталь: — Помнишь своих родных? Маму, бабушку, тетюшек, малышку Эби? Я никого не забыл? Помнишь, что светносыцы и инквизиторы с ними сделали?

— Прошу, не надо! — замотала головой ведьма, и голос ее предательски дрожал.

Кристоф из Рейгона

Несмотря на ситуацию, в которой они оказались, Кристофа что-то укололо внутри от этого выражения лица, от ее мольбы в голосе. На один короткий миг он увидел в ней не бесовское отродье, не опасную колдунью, только что на его глазах погубившую полдюжины инквизиторов, а всего лишь хрупкую девушку, которая столкнулась с несправедливостью в жизни. Таковую, которую хочется обнять и сказать, что больше ей нечего бояться. Но Кристоф отмахнулся от этих мыслей, постаравшись навсегда выкинуть их из головы.

Ибриен умоляла его остановиться, но Рудхарт был неумолим.

— Мне не ведомы все подробности, как именно они с ними расправились. Но я знаю, какие зубы у этих зверей. А еще я знаю, что они не брезгают никакой дичью. Даже самой маленькой и беззащитной. Сестренка Эбби, вспомни, что она любила! Быть может, в ней была заложена страсть к рисованию или чтению? Быть может, она была страшной непоседой и целыми днями пропадала, играя во дворе? Или же, наоборот, могла часами смотреть в одно место и думать о чем-то своем? Это сейчас не так уж важно. Важно то, что ее больше нет!

Из глаз ведьмы потекли крупные слезы. Кристофу стало трудно дышать. Он отвел глаза от ее лица. Все еще боялся потерять ее из виду, но старался не заглядывать в лицо, чтобы не испытывать к этой молодой женщине того, что переполняло его душу. От жалости всего один шаг к сочувствию, а этого он допустить не мог. Не мог позволить себе сочувствовать противному Праотцу существу.

— Хватит! — прошептала она.

Уже довольно близко раздавались звуки латных сапог. Отдельные воины перепрыгивали через огонь и стремились к ведьме.

— Не знаю того, кто оборвал ее жизнь, но, скорее всего, он улыбался. Оборвать жизнь ребенка для них то же самое, что прихлопнуть таракана.

— Эбби не была тараканом! — в голосе Ибриен стали проявляться нотки гнева. А Рудхарт, очевидно, осознав, что нащупал нужные слова, продолжил давить на больное.

— А кем она была, если не тараканом? Быть может, клопом или назойливой мухой? Хотя последнее сравнение, пожалуй, неверное. Муху довольно сложно прихлопнуть, а вот Эбби отыскиали без особого труда.

— Прекрати так говорить о моей сестре!!! — ее голос звучал громогласно, будто они находились где-то в горах, где эхо многократно усиливает голос, хотя они остановились на равнине.

— Глупо обращать на меня гнев, не я убил всю твою семью, — врачеватель сделал небольшую паузу и промолвил. — Они убили!

Кристоф наблюдал, как последние слова Рудхарда послужили для его помощников условным сигналом. Один из них со всего маху огрел Ибриен по ребрам. Когда она согнулась в три погибели, второй тоже приложился от души. Подождав секунду и посчитав, что этого недостаточно, он сделал еще один удар.

Скрюченная ведьма впилась пальцами в мерзлую землю, оставляя на ней глубокие борозды.

— Ненавижу... — прошептала она, из горла ее вырывалось рычание, будто она вовсе не была человеком, но каким-то диким зверем, который вот-вот сорвется с цепи. И тогда мало не покажется никому.

— А теперь лучше беги, Кристоф, — сказал Рудхарт со знанием дела. — Лично я намерен бежать...

Каким бы смелым ни был Кристоф и сколько бы врагов он ни одолел в бою, но, оказавшись один на один со стихией, побежал, словно заяц. Иначе огненное цунами поглотило бы его, как одного менее расторопного пехотинца. Перемахнув через первый круг пламени, Кристоф никак не ожидал, что за ним последует второй еще более быстрый и мощный столб. Воин, пробегая мимо одноверца, кричал, чтобы тот поворачивал назад, да только тот не успел развернуться и податься наутек. Огонь окутал его штанину и моментально объял все тело целиком. Пламя превращало шатры в факелы, редкие деревья и растительность — в обугленные головешки, а людей и лошадей — в обезумевших существ.

Из самого центра огненного круга, который стремительно расширялся, все время вылетали огненные вспышки, летели они не прицельно, зачастую попадая за пределы лагеря. Но даже такие всполохи то и дело находили жертв.

Некоторые предпринимали попытки убить Ибриен, пуская стрелы в круг, предположительно в то место, где должна была находиться ведьма. Однако шансы на попадание были слишком малы из-за жара и всепоглощающей паники. Некоторых лучников находили огненные шары, но одному отсек руку верховный инквизитор. Кристоф заметил это, но попытаться понять, для чего Герман Гроэр это сделал, времени не было. Все объяснил его громогласный голос, разнесшийся по лагерю. Верховный пытался перекричать вой и треск огня:

— Не смей стрелять по ней! Она должна остаться живой до казни! — орал он. Уводите раненых, отвязывайте лошадей! Спасайте продовольствие! Она не сможет поддерживать огонь вечно!

Герман Гроэр оказался прав. Расширение огненного кольца значительно замедлилось. Огненные шары тоже стали разить не так часто, но паника, посеянная ведьмой, была велика, а потери храмовников огромны.

Кристоф успел среагировать, подставив щит под огненный шар в последний момент. Все тело тут же обдало жаром. Казалось, одежда и элементы доспеха плавятся прямо на теле. Все это время светоносец не забывал проклинать себя на чем свет стоит. Ведь мог же он не допу-

стить всего этого, мог! Но нет, смотрел как замороженный, на этого предателя Рудхарта, как тот вновь зажигал уже потухший фитиль.

Не умирали бы сейчас его братья-светоносцы и простые воины Праотца. Даже садистов-инквизиторов было почему-то жаль. Один из таких, охваченный пламенем, пробежал рядом, издавая нечеловеческие крики. Словно все замученные им души направили огненный шар именно в то место, где стоял он. Кристоф хотел броситься к нему, дабы бросить на землю и постараться сбить пламя. Но тот, пробежав еще несколько шагов, упал в вырытую канаву для стока воды, где и затих. Кристоф встал у мертвого тела инквизитора, на мгновение забыв про творившуюся вокруг неразбериху. Его посетила мысль, как остановить ведьму. Для этого ему были нужны сарамитовые кандалы, несколько крепких щитов и не менее надежных товарищей.

— Регин! Орм! — кричал Кристоф, бегая по лагерю. Если ему попадался другой светоносец, Кристоф не мешкая объяснял ему план и бежал дальше. Но вскоре нашлись и его друзья.

— Кристоф, где тебя демоны носят?! — воскликнул Регин

Он вместе с Ормом были заняты тем, что перетаскивали раненых от огня подальше.

— Как вытащите парня, берите щиты и бегите к раздаточным столам! Там место повыше.

— Зачем?! Ты чего удумал?

— Черепаху! [1]

[1] Вид боевого построения.

Кристоф из Рейгона

Их набралось чуть больше дюжины. Воины света, которые поклялись не отступать ни перед кем во имя Праотца, стояли перед огнем пламени, которое неумолимо наступало и обдавало жаром.

Такое построение обычно применялось для штурма небольших крепостей. Одни воины выстраивали настил из щитов, на который взбирались следующие, и так далее. Регин и другие, которые были покрепче, стояли в самом низу. Более легкий Орм взобрался на «второй этаж», Кристофу же выпала честь совершить прыжок веры.

— Малыш, ну ты долго там еще будешь сопли жевать?! Мне сейчас волосы в носу опалит! — послышалось недовольное рычание Регина.

Хорошенько разбежавшись, Кристоф побежал по импровизированному трамплину. Его правая нога уверенно шагнула на изображение саблезубого тигра. Сильно оттолкнувшись, светоносец пролетел над слоном, гнущим дерево, и павлином, расправившим хвост. Его нога чуть предательски не соскользнула на снежном барсе, но, оттолкнувшись от кошки Орма, Кристоф перелетел через огненную стену.

Приземлился он неудачно, футов десять пролетел кубарем и чуть не подвернул ногу. Встав и отряхнувшись, Кристоф удивился, насколько спокойно по ту сторону огня. Да, его все по-прежнему сильно обдавало жаром. Но все крики, которые доносились с той стороны, звучали словно из другого мира. Здесь же все уже давным-давно умерло. Стало выгоревшим и черным, будто пепелищу уже несколько дней. И только редкие куски ткани все еще тлели. Сделав пару неуверенных шагов, светоносец убедился, что ноги его целы, после чего почти побежал к Ибриен.

Ведьма пылала, но сама не сгорала, выглядела устрашающе и в то же время как-то надломленно. Она несла погибель, но вместе с тем была прекрасна... Как вулкан, как ураган или огромная волна цунами. Она притягивала взгляд, даже если бы Кристоф хотел не смотреть. Но он хотел. Вернее, это нужно было делать, чтобы остановить бесконтрольную стихию.

Когда светоносец оказался с Ибриен на расстоянии вытянутой руки, что-то вновь оставило его. Он уже видел у женщин такие глаза. Они становятся такими за мгновение до того, как из них польются слезы. Но если влага и могла потечь по щекам ведьмы, то огонь тут же

испарял ее. Когда сгусток пламя отделялся от нее и улетал вверх, чтобы, возможно, найти цель, тело Ибриен вздрагивало.

«Праотец всемогущий! Да она же убивает себя!» — пронеслось в голове Кристофа. Девушка мгновенно превратилась из порождения зла в беззащитное создание, которое этим злом одержимо.

Изначально Кристоф хотел обезвредить ведьму одним ударом латной рукавицы. Но, оказавшись с ней рядом, не смог поднять руку. К счастью для Ибриен, оставался еще один способ остановить пламя.

Когда сдерживающие магию кандалы защелкнулись на ее правом запястье, ведьма упала на колени, а ее плечи повисли, словно из девушки выпустили воздух. Пламя, которое так быстро уничтожало лагерь, практически сразу погасло. Местами оставались небольшие очаги пожара, но им или некуда было расти, или их быстро тушили. Кристоф поспешил застегнуть вторую руку. Кисть болталась, словно веревка. Словить ее вторую руку оказалось довольно трудно, так как он сильно обжег руки, когда пока возился с кандалами.

Ведьма подняла на светносоца глаза. На этот раз огонь не испарял слезы, и они полились ручьем.

Ибриен из Зеленых Холмов

Ибриен даже не поняла, в какой момент ее заковали обратно в кандалы. Только что огонь владел ею, только что стихия, пользуясь ее телом, пожирала все вокруг, убивала без разбору, и вот — тишина.

Враг подкрался незаметно. Хотя Ибриен и сама потеряла бдительность, словно растворившись в огне. Он почти поглотил ее суть, ее душу. И ведьма готова была заплатить эту цену, чтобы каждый ее обидчик понес достойное наказание. Да, в какой-то момент самым краешком сознания она поняла, что огонь убивает ее. Это была чистая мощь, для которой она служила лишь проводником. И девушка не справлялась.

Но поняла ведьма это намного позже, когда лежала в клетке на ненавистной медвежьей шкуре. Если бы не этот молодой светносоец, огонь пожрал бы ее. И она была согласна! Разменять свою жизнь и многие жизни этих извергов. Но один из них спас ее.

Конечно, он спас ее совершенно случайно, пытаясь остановить стихию. И все же только из-за этого человека она осталась жива. Ненависть холодным жаром разлилась по груди. Уж лучше бы он дал ей умереть! Оставалось совсем немного! Она ощущала, как огонь съедает ее. Но не снаружи, как того хотели инквизиторы, а изнутри.

Она лежала, совершенно лишенная сил. Изможденная. Все тело болело. Каждое малейшее движение приносило страдания. Даже моргать казалось больно. Даже дышать. Грудь горела, будто ее обожгло изнутри. Впрочем, так оно и случилось. Ибриен никогда не боялась огня. Она не получала ожогов, но видела, как они выглядят у других и знала, что эти виды ран очень болезненные. И теперь она понимала, что ее тело обожжено изнутри. Опалено ее ненавистью, которая приняла вид огненной стихии.

Вокруг нее было тихо. Рядом с ней будто боялись говорить. Приближаясь к ее клетке, все сразу переходило на шепот. И если бы она хоть что-то, кроме ненависти, могла испытывать, наверное, почувствовала бы свое превосходство. Но в тот момент ей было не до того.

Лагерь долго не мог прийти в себя. Светносоцы и оставшиеся инквизиторы ходили с потерянными выражениями лиц. Кто-то тащил раненых, кто-то — убитых.

Станный лекарь, который сперва отдал ей жизненную силу инквизитора, куда-то пропал. Ибриен не знала, сбежал или погиб. И ей было все равно. Он оказался таким же, как и остальные: преследовал свои цели, а ее использовал как разменную монету.

Горькое разочарование Ибриен испытала, когда над ней возвысился Герман Гроэр. Как она хотела бы плюнуть в него! Но во рту было сухо. Огонь полностью выжиг ее нутро.

— Она жива, — произнес он с облегчением.

Ибриен почти рассмеялась. Почти. Она лежала, чуть приоткрыв веки, чтобы лишний раз не моргать.

— Она сильно пострадала, — раздался знакомый голос.

Девушка чуть скосила глаза. Да, так и есть. Тот самый светносец с эмблемой льва, который заковал ее. Только теперь она вспомнила, где видела его до того. Это он дал ей одеяло в темнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.